

Валерий Гурков
Барчук

Валерий Гурков

Барчук

«Издательские решения»

Гурков В.

Барчук / В. Гурков — «Издательские решения»,

В новой книге автора представлены рассказы, повествующие о случайной встрече, ставшей судьбой, о помощи друга в трудную минуту. Это незатейливые, на первый взгляд, истории, словно срисованные из жизни, увиденные или пережитые, многое расскажут читателю, привыкшему размышлять над вопросами человеческих взаимоотношений. История главного героя этой книги, нашего современника, понятна современному читателю, но в то же время позволяет посмотреть на многое взглядом со стороны.

© Гурков В.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть I. Карта памяти	7
Часть II. Снайпер	8
Часть III. Заяц	10
Часть IV. Ещё один день	12
Часть V. Вайми	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Барчук Валерий Гурков

© Валерий Гурков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Он подсел ко мне в электричке. Пожилой мужчина с видом бомжа, но в старой, повидавшей всё одежде, угадывались довольно дорогие всемирно известные модельные бренды. Да и сам он, несмотря на свою небритость и наплевательское отношение к своему внешнему виду, был ухоженным. Довольно седой, но с какой-то детской улыбкой. Заметив, что я искоса наблюдаю за ним, начал свой монолог. Так я узнал обо всей жизни одного из обычных моих сограждан, которых миллионы на Руси, и о каждом из них можно было написать рассказ...

Его били за всё. За то, что маленький, за то, что нет отца, за то, что мать злоупотребляла алкоголем, и он всегда за неё заступался, за то, что хорошо учился, но больше всего били за то, что всё время улыбался. Почему-то каждый, кто был больше или старше его, думал, что он смеётся непременно над ним.

Когда он научился отвечать, и все отстали, то бить начала жизнь. Позвоночник стал давать о себе знать лет в двенадцать. К двадцати это превратилось в сплошную боль во всём теле. Порой такую, что он терял от неё сознание. С другой стороны, мог хоть как-то заснуть. Через двадцать с лишним лет отстала и боль. Может он привык к ней, может боль устала его донимать, но к сорока пяти позвоночник болеть перестал. Да и вообще, он сам перестал болеть. С этого момента стала донимать боль душевная. Женщина, в которую он довольно сильно имел неосторожность влюбиться, просто ушла к другому. После её потери, он вдруг впервые понял, что физическая боль, просто ребёнок, по сравнению с болью душевной...

Думаете от всего этого он как-то изменился? Да ничуть! Он всё такой же маленький, и в душе, и по росту. Видно пластилина не хватило у родителей, как любил он шутить в детстве. Ведь два его брата выше метр восьмидесяти. Дети тоже все выше, даже сестра выше, а он нет. Но он так и не вырос. У него всё также нет отца. Он всё также любит учиться, хотя скоро стукнет шестьдесят. Он всё также заступает за слабых и не любит чужих слёз. А самое главное! Он постоянно улыбается...

Барчук, как он представился мне, вдруг замолчал, долго с серьезным видом смотрел в окно, а затем снова улыбнулся и продолжил...

Часть I. Карта памяти

Старший сын пригласил его к себе в Москву. Вот теперь, находясь в квартире сына и разглядывая старые чёрно-белые фотокарточки, Барчук вспомнил дни, связанные с рождением первенца.

Конец октября 1987 выдался ненастным и жена, родившая первенца, заболела в роддоме ОРЗ. Не избежал этой участи и сын. Дней за пять он из здорового крепкого малыша превратился, со слов тещи, в полудохленького. Ребенок буквально таял на глазах, никакой была и жена. Масла в огонь добавляла теща постоянным выносом мозга о том, как рано начали заводить детей и всей остальной околесицей. Врачи не надеялись на выздоровление сына, поэтому жену Барчука одну выписали из роддома, чтобы она не мешала своим присутствием. Жена в попытке хоть как-то быть рядом с умирающим сыном, согласилась мыть каждый день бесплатно полы в роддоме. Поняв, что от врачей толку мало, Барчук пошел в роддом к главврачу и под свою ответственность забрал сына, весившего на тот момент всего полтора кг, вместо четырех.

Через полтора года в мае 1989 жена родила второго сына, а под окнами роддома бегал в шортах и короткой майке с длинными по плечи белокурыми кудряшками, похожий на Маугли, малыш. Из окон выглядывали врачи, медсестры и роженицы. Все, словно забыв про все свои дела, шли к окну, где смотрели представление одного артиста. Это был его старший сын, а рядом с бегающим кругами полуголым малышом, одевшись в теплую куртку, стоял сам Барчук. Был еще довольно холодный май.

Прошло почти три десятка лет после тех радостных и тяжёлых дней. Сыновья выросли. Давно получили хорошее образование, купили себе квартиры, а он теперь ездит к ним в гости...

Решив принять ванную, Барчук разделся и включил воду. Все было в сплошных зеркалах, и со всех сторон на него смотрел обнаженный пожилой мужчина, со стройной, словно у юноши фигурой. Живота не было, а накачанной груди могли бы позавидовать многие девочки, как любил шутить он в молодости. Его бабушка по маме была донской казачкой. В память и в дань уважения предкам своим он не носил цепочек, и тело было чисто от татуировок. Цепочка и цепи – символ рабства и зависимости. В его роду таких не было. Все рождались свободными и свободными уходили. Татуировки – символ принадлежности кому-то или чему-то. Он принадлежал только себе. Начальники не любили его за это, но терпели. Он и сам старался своим подчиненным не быть начальником. Прощал им всё, кроме «стукачества». Жизнь сама сделала коррективы на его теле, заменив татуировки множеством шрамов. Их было столько много, что тело походило на карту. Это, пожалуй, и была карта! Карта памяти всей его жизни...

Каждой отметине на теле соответствовала отметка на глобусе. Он их зарабатывал по всему миру. Не был, пожалуй, только в Гренландии и Антарктиде. Лишь из последней своей «прогулки» он не привез шрамов на теле, но привёз их в душе...

Часть II. Снайпер

...Ногу, словно в неё вонзилась игла, пронзило острой болью. Барчук нагнулся от внезапно нахлынувшей боли. Пуля вошла в дерево. Точно в то место, где только что находилась его голова. Снайпер. Даже скорее двое, ведь они работают парами.

- Тебе опять повезло, – хлопнув по плечу, улыбнулся его друг, – сейчас мы их выловим.
- Не опять, а снова, – улыбнулся в ответ он, – только без глупостей, не лезьте ни во что.
- Ты же заешь, всё будет хорошо...
- Знаю, поэтому и говорю.

Через полтора часа снайпер, вернее снайперша была перед ним. Напарницу взять живой не удалось. А эта была молодой красивой женщиной с несуразно взъерошенной короткой причёской почти белых волос, которая совсем не шла к её милому, ещё почти юному лицу. Так и есть, двадцать восемь лет всего, если документы подлинны.

- Лабс вакарс! – произнёс он госте, словно вонзившись взглядом в её глаза.
- Добрый вечер, – ответила она, отведя взгляд.
- Что в Латвии совсем для вас дел не осталось, раз поехали сюда?
- А у вас в Москве?
- Вот эта деревня, за полесем ещё одна, они до революции принадлежали моему прадеду. Вон там на погосте лежат останки почти трёх десятков моих предков. По сути, я их защищаю. Эти места издревле были русскими. Здесь никогда не говорили на других языках, и убивать людей за то, что они и дальше хотят говорить на языке своих предков ни у кого нет права. Двадцать первый век на дворе, а не средние века. Да и не москвич я. Вернее теперь не москвич. Государство сделало меня бомжом, я теперь гражданин Болгарии. Благо там ещё остались нормальные правители.
- Я отвечать ни на какие вопросы не буду.
- Только на один ответ. Жить хочешь?

Тишина. Тишина, словно громом наполнила паузу. Молчали все. И она, и его друзья. Они уже знали, что если он чего решил, то лучше не перечить. Поэтому все просто занялись своими делами.

- Я много раз повторять не буду.
- Ну, хочу, – словно неуверенно произнесла она.
- Тогда пошли.

Было уже сумеречно. Он провёл её до ближайшего полесья.

«Россия там, если хочешь жить иди туда, перейдёшь границу, сдашься. Я предупрежу. Пройдёшь пару формальных допросов, и тебя отпустят. Поедешь на родину и будешь жить. Только не попадайся больше мне и моим. Вот как-то так. В этой жизни у каждого человека должен быть шанс, и я тебе его даю, дочка, только сделай правильный выбор», – с этими словами он отдал ей документы и пистолет с вынутой обоймой. Затем протянул обойму... «Прощай!» – он повернулся и пошёл к своим. За спиной сухо щёлкнул затвор. «Ещё одна дура, что же вам неймётся в спину стрелять? А могла бы жить, да жить, деток рожать. Дура, ей Богу дура», – подумал он, не оборачиваясь, продолжая спокойно идти дальше. За спиной послышался звук

падающего тела. Его друзья не промахивались никогда... Господи! Когда же закончится человеческая дурость? Когда люди станут людьми, а не скотами, желающими только одного – убить себе подобного? Устал. Устал я от человеческой дурости. Хотя я сам такой. Такой, как все...

Барчук наполнил ванную водой и, под её шум, пришло ещё одно из воспоминаний о недавних событиях.

Часть III. Заяц

...Рука головного предупредительно поднялась вверх, показывая пальцами направление опасности. Все моментально замерли. Заяц, подумал он. Через минуту вместо зайца показалась голова собаки, а затем и сам пёс. Он с радостью подбежал к нему, как к самому близкому, и стал неистово размахивать обрубок хвоста и облизывать ему лицо. Все напряжённо ждали решения. Привал, знаком показал он. После того, как все собрались, послал трёх человек по разным направлениям в охранение.

– Барчук, что делать, он нам не даст нормально передвигаться, может привязать его тут, убивать жалко?

– 15 минут отдых, там посмотрим.

Пёс, а это был довольно большой чёрный терьер или по-другому «собака Сталина», словно влюблённый глядел на него умными большими глазами и не отходил. «Что, брат, есть хочешь, голодный? Голодный. Я и без тебя знаю, что голодный. Что же мне делать с тобой прикажешь, а?» Он устало достал банку и открыл её. С помощью ножа выложив всё её содержимое на свежую зелёную траву, весна была в самом разгаре. Сам взял маленький сухарик черного хлеба и, положив себе в рот, произнёс: «Ешь, дружище, ешь». Собака, поняв, что это ей, подошла, принялась и почти не жуя, проглотила всё. Это была его последняя еда, а впереди минимум сутки пути. Он осторожно подрезал кочку, приподнял в одной стороны и загнал в землю смятую банку и крышку. Затем всё привёл в прежний вид. После этого нанёс новый грим, взамен слизанного псом, себе на лицо и дал команду двигаться дальше.

Через день они были на месте. Пёс всё это время шёл в отдалении за ними, словно понимая, что он лишний и мешает приютившим его людям. Их уже ждали. Два человека проводили их до руководителя местной обороны. Впервые поев за эти дни и отдохнув, они в сопровождении проводника пошли на задачу, ради которой они тут и были.

«Скрипка, запроси последнюю теплосъёмку», – он назвал свой и несколько квадратов впереди. Впереди было открытое поле, за ним брошенная жителями деревня. Она была на стыке двух противостояний, поэтому её постоянно кто-то обстреливал. Если там кто и находился, то только корректировщики или разведка. Так и есть, три человека в ближнем доме. У дома окна в три стороны. Остаётся только одна. Он оставил старшего и приказал ждать и на всякий случай быть готовыми прикрыть его отход. «Заяц, за мной», – скомандовал он. Собака уже освоилась и слушалась его, словно хозяина. Остальные переглянулись, но приказ есть приказ. Да все понимали, что собаку не удержать, и она своим визгом выдаст всех. Это было, пожалуй, лучшим решением.

Через полчаса он был уже в том доме, рядом сидел Заяц, а в углу лежали трое, которым уже было не суждено вернуться своими ногами домой. По полу валялись разбросанные карты. Одного он знал лично, лет 15 назад обучал его в школе выживания. Видимо, он был тут старший, так как двое других были раза в два моложе, совсем ещё дети. Но война не игра в поддавки, не игра в иллюзию, это игра со смертью. Кто кого обманет, кто кого перехитрит. Жалость тут почти неуместна. Все кто здесь, отлично знают, зачем они здесь и с какой целью. Те, кто пришёл на войну – хищники. У них одна цель – убить другого. И места для лирики тут нет. Тут есть жестокая правда войны. Все правила диктует она и только она. Не успеть на войне, убить за тобой охотника, значит самому стать жертвой. Он глянул, сколько показы-

вает тритиевая подсветка и набрал код на телефоне. Ответ пришёл через пару минут, говорящий, что к нему едут пять человек с противоположной стороны. Видимо, или смена, или, не дождавшись ответного доклада, едут узнать: в чём дело.

Он поднялся на второй этаж ближнего дома и осторожно глянул на поле, по которому на полной скорости, подняв столб пыли в небо, словно хвост, ехал внедорожник. Барчук спустился вниз и залег под кусты рядом с калиткой. Улица была как на ладони. Когда машина почти подъехала, терьер, словно сторожевой пёс, ринулся на неё. Джип остановился. Из него вышел человек в камуфляже и, щерясь улыбкой, почти в упор расстрелял собаку. В тот же момент он, продолжая улыбаться, сполз к колёсам автомобиля, держа руку у пробитого ножом горла и пытаясь его вытащить. Через секунду в лобовом стекле и боковых, стали появляться отверстия, одно за другим. Всё это происходило в полной тишине. Слышен был только работающий двигатель. У калитки поднялся человек в балахоне, подошел к автомобилю и заглянул вовнутрь. Затем вынул свой нож из горла, у машины лежащего человека, вытер его о землю и наклонился над собакой. Она уже была мертва. «Заяц, Заяц, зачем же ты выбежал дурной? А может так и лучше, а? Брат? Нам ещё задание выполнить надо, куда мы с тобой. Прощай, друг!»

Через пятнадцать минут он был в ожидающей его группе.

– Барчук, чего у тебя глаза красные и блестят, словно вмазал? – с улыбкой спросил один из ожидающих.

– Пыль попала. Всё, все на базу.

– А Заяц?

– Отстал где-то, думаю, нагонит. Он же умный пёс, значит найдёт.

Через две недели они успешно выполнили задание. Все вернулись целы. Только образ собаки, так привязавшейся к нему, и виновником гибели которой, пусть косвенно, был в принципе он, всё ещё стоял перед глазами... Но было ещё одно событие. В одном из селений он познакомился с 12 летней девочкой. Она была сирота, и он хотел удочерить её. То, что произошло потом, память не хотела возвращать ему. Она словно жалела его от всего произошедшего с ним.

После этих событий Барчук уехал вначале под Тверь, а затем в Болгарию. Ему очень понравилась эта небольшая страна. Он даже купил там себе квартиру на берегу моря. Больше всего понравился болгарский народ. Разный по национальностям, но очень радушный и гостеприимный в целом. Сейчас после Болгарии, он и заехал к сыну в Москву, по дороге решив встретиться с друзьями, пользуясь тем, что все сейчас тоже находятся в Москве.

Часть IV. Ещё один день

Он зашёл в вагон и сел на свободное место. Ехать нужно было около сорока минут. Молодая красивая девушка, сидящая справа, явно засыпала под мерный стук колёс. Она постоянно тыкалась головой в его плечо и, в конце концов, легла на него. Барчук улыбнулся, вспомнив, как однажды ехал поздно домой на электричке. Вот также штормило от усталости и его...

Электричка набрала ход. Он сел рядом с сидевшей у окна девушкой. Она была настолько очаровательна, что, несмотря на всю свою усталость, он изредка, делая вид, будто смотрит в окно, поглядывал на неё. Поняв, что совсем ей безразличен, заснул. Проснулся от резкого толчка вагона. Электричка, видимо, затормозила перед семафором. Голова его покоилась на её плече, а её голова на его голове. Он отстранил свою голову, а она свою и оба застенчиво улыбнулись друг другу. Через минут пять она уже спала на его плече, ничуть этого не стесняясь. Он видел, как в окошке вагона проплыла табличка его станции, но будить девушку побоялся. Проснулась она перед Чеховом.

– Мне выходить, – улыбнулась она ему, – а ты до Серпухова?

– Я уже проехал свою, не хотел тебя будить, ты так сладко спала и чему-то всё время улыбалась во сне.

– Ну, ты даёшь... и как же теперь домой доберёшься? Это ведь последняя электричка, значит и на Москву последняя уже уехала.

– Ничего, на вокзале переночую.

Электричка остановилась. Они вышли. Она пошла к автобусной остановке, а он на вокзал. Даже не узнал, как её зовут. Дурдом!

– Тебя хоть как зовут? – услышал он её голос позади себя...

...Они встречались полгода, а потом из армии вернулся её парень, о существовании которого он даже и не догадывался. Отношения прекратились. Прекратила она и попросила его больше к ней не приезжать, объяснив просто: она дала этому парню слово.

Теперь на его плече лежала голова девочки, которая годилась ему в дочери. Жизнь летит. Барчук осторожно разбудил девчущку перед своей остановкой и извинился, за то, что ему пришлось беспокоить её. Вышел из метро и направился мимо лавочек в торговый центр. В нём на втором этаже в ресторане ждали ребята из его группы. Они весело уже махали, завидев его, через огромное стекло ресторана.

– Отстань, я сейчас полицию позову, – услышал он сбоку девичий голос, – руку отпустил, что не понятно?

– Зачем полицию, посиди с нами, выпей, побеседуй, красавица, мы же не звери, – ответил ей с акцентом мужской.

– Отстань, сказала, дай мне пройти, отпусти...

На боковых лавочках сидело человек пять молодых людей, один из них держал девушку за руку, а она изо всех сил пыталась выдернуть её, чтобы освободиться. Понимая, что это невозможно, она замахнулась клатчем и попыталась ударить обидчика. Он увернулся и рассмеялся ей в ответ.

– Паренёк, отпустил бы ты её, видишь, девушка совсем не хочет с тобой общаться, – Барчук уже подошёл к молодым людям и, улыбаясь, глядел в глаза «ухажёру».

– Папаш, иди, иди, тебе в магазин, так и иди в магазин.

– Да я уже пришёл. Отпусти её.

– А то, что будет? – ощерился молодой человек.

– Больно будет, только и всего. Очень больно.

– Ты меня достал, – два кулака по очереди прошли мимо лица Барчука, так и не достигнув цели.

Поняв, что промахнулся, молодой человек ухватил обеими руками за куртку Барчука, но в тот же момент с выражением боли и недоумения, буквально рухнул на колени, оставив свой мизинец в руке этого невыразительного, уже в возрасте мужчины. Причём, мизинец удерживался лишь двумя пальцами. Но видимо боль была такой, что паренёк стал буквально выть от неё, прося отпустить руку. Остальные молча наблюдали эту картину. Смех заменился ужасом.

– Барчук, с молодёжью знакомишься? – из дверей высыпала его группа.

– Да нет, знакомлю с собственной болью, чтобы понимали чужую.

– Ладно, отпусти ты его, пошли в ресторан, а то мясо скоро зажарят, как ты любишь.

– Повезло тебе, зовут меня, в следующий раз сломаю руку, которой ты первой замахнёшься, чтобы другого ударить или остановить. Ты меня понял?

– Понял, – удручённо прозвучал ответ. Юноша ещё не отошёл от болевого шока.

– Ну и ладушки. Да и перед девушкой извинись, с женщинами воевать, себя не уважать!

Заря уже занималась всеми оттенками розового. От светлого к облакам, до тёмного к земле. День подходил к своему завершению. Ещё один день из его жизни.

Это было вчера, а сейчас он стоял под «шарко» и вспоминал. У сына хорошо, но надо было ехать к сестре в Таллинн. Со смерти отца прошло уже около года. Надо было официально принимать всё, что оставил после себя ему отец.

Часть V. Вайми

...Через час он сидел в купе вагона скорого поезда до Таллинна или бывшего Ревеля. Там когда-то жил его отец со второй семьёй. Отец уже ушёл, как и его жена. Осталась только их дочь Тамара, Барчуку родная сестра. К сестре он и ехал. В купе была ещё пара пожилых эстонцев. Когда он поздоровался с ними по-русски, те просто недовольно кивнули головами, не произнеся ни слова. Хотя родились они с ним в одной стране – СССР, отлично знали русский язык, но за всю дорогу не обронили ни одного слова на русском. Барчуку давно был безразличен этот детский сад из обиженных взрослых. Поэтому он просто не обращал на это внимание. Эстонцы всегда не любили русских. Вернее не все, пока эстонцы молоды, всё хорошо и все хороши. Но вырастая во взрослые особи, они все свои жизненные неудачи, не найдя других оппонентов, видят в русских. Но не себя же обвинять в своём скудоумии. Ещё в советские годы, когда он заходил в магазин и просил товар на русском языке, продавец отворачивалась и обращалась к следующему покупателю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.